

Е. В. Чернцова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

История парентетической позиции дискурсивных слов

Чернцова О. В. Історія парентетичної позиції дискурсивних слів. Статтю присвячено історії формування парентетичної позиції дискурсивних слів, які зустрічаються вже у давньоруських текстах. Авторська передача чужого мовлення (реку, рече, рьци та інш.) закладає основи техніки розповідання, котра притаманна сучасним мовленнєвим практикам.

Ключові слова: *давньоруські енклітики, парентеза, прапарентеза, нарратив.*

Чернцова Е. В. История парентетической позиции дискурсивных слов. Статья посвящена истории формирования парентетической позиции дискурсивных слов, которые встречаются уже в древнерусских текстах. Авторская передача чужой речи (реку, рече, рьци и др.) закладывает основы техники повествования, характерного для современных словесных практик.

Ключевые слова: *древнерусские энклитики, парентеза, прапарентеза, нарратив.*

Cherntsova E.V. The history of the parenthetical positions assumed by discursive words. The article deals with the history of the parenthetical positions assumed by discursive words which can be found already in Old Russian texts. The author's transfer of another's speech (реку, рече, рьци, etc.) lays the foundation for the techniques of narration characteristic of the modern verbal practices.

Keywords: *Old Russian enclitics, parenthesis, praparenthesis, narration.*

В лингвистике термин «парентеза» употребляется в двух значениях: 1) дискурсивное слово в функции вставки, например, *по-видимому, наверное, очевидно* и др. (далее ДС-парентеза); 2) вставка как особое коммуникативное и синтаксическое явление языка, как понятие коммуникативного синтаксиса. Заметим, что традиционно ДС-парентезы рассматривались с позиций формального синтаксиса как слова, стоящие вне предложения, не имеющие грамматической связи с предложением, при этом осложняющие базовое предложение модальными значениями и т.д. При этом важная составляющая их значений и функций, связанная с общим коммуникативным назначением (иллокуцией) такого предложения, с коммуникативной стратегией говорящего, характером дискурса и коммуникативным режимом речи (диалог-монолог), долгое время оставалась вне поля зрения исследователей.

Парентеза как понятие коммуникативной лингвистики – это частный случай безударной коммуникативной позиции между темой и ремой, которая получила название атонической темы¹. Атонической темой считают “безударные” (с точки зрения коммуникативно релевантных акцентов) компоненты коммуникативной структуры предложения, которые расположены после акцентоносителя темы или ремы. Атоническая тема как компонент коммуникативной структуры маркируется ровным тоном произношения, аллегровым темпом и отсутствием внутренних пауз. Связанный с атонической темой компонент располагается после другого, ударного компонента коммуникативной структуры.

Безударная позиция (вакернагелевская²) – это прототипическая позиция для атонической темы. Т. Е. Янко называет атонической любую позицию спада, т.е. заударную (энклитическую) позицию, которая становится своеобразным пристанищем для всех коммуникативно не релевантных компонентов коммуникативной структуры. Как частный случай атонической темы парентетические компоненты (в том числе и ДС-парентезы) обладают рядом особых семантических и структурных свойств. Синтаксически они не связаны с остальным предложением и могут вклиниваться в грамматически оформленное словосочетание (ср.: *моя, по-видимому, ошибка*), выражая оценки – истинностные, вероятностные и эмоциональные.

История формирования парентезы как особой коммуникативной и синтаксической позиции и история образования конкретных ДС-парентез взаимосвязаны. Выявление условий формирования этих позиций в древнерусском языке может объяснить специфику коммуникативных значений современных ДС-парентез, их роль в выражении иллокуций и коммуникативных стратегий

¹ Историю изучения этой коммуникативной позиции и обоснование термина см. в [9:76-82; 10:59].

² Такое название связано с законом Вакернагеля, в соответствии с которым энклитики ставятся в конце первой тактовой группы фразы

говорящего. Языковые факты, представленные в трудах историков языка А. А. Зализняка, Я. А. Спринчака, М. Булахова, Т. П. Ломтева и некоторых др., на наш взгляд, отражают историю рассматриваемых языковых явлений. Так, история парентезы как особой коммуникативной и синтаксической позиции обнаруживает явную связь с фразовыми энклитиками, которым посвящено специальное исследование А. А. Зализняка [4]. Рассматривая историю русских энклитик, в ряду которых интересующий нас материал представляет лишь фон, А. А. Зализняк приходит к важным для нас обобщениям.

Существование фразовых (то есть относящихся по смыслу ко всей фразе в целом) энклитик, расположение которых во фразе подчиняется так наз. закону Вакернагеля и закреплено за концом первой тактовой группы фразы, составляет характерную особенность многих древних языков. Полноударные слова, переходящие в ходе истории в категорию энклитик (безударных), попадают в большинстве случаев именно в такую позицию. Древнейшими энклитиками, унаследованными из праславянского языка, являются частицы *же, ли, бо, ти* и местоимения в форме Д. п. (*ми, ти, си* и т.д.). Как в старославянском, так и в древнерусском языках они обладают вполне устойчивым просодическим статусом. Позднее в категорию энклитик входят местоимения в форме В. п. (*мѧ, тѧ, ѧ* и т.д.), глагольные словоформы *бы, быхъ*, еще позднее – связки (*есмь, еси* и др.). Древнерусский период в истории русского языка, особенно XI – начало XIII века, – время максимально полного и последовательного формирования энклитик. Позднее начинается процесс постепенного распада этой системы [4:264]. Из старых фразовых энклитик в современном литературном языке остаются только *же, ли, бы*.

Помимо упомянутых выше средств, выступающих в качестве фразовых энклитик, аналогичные свойства обнаруживают, хотя и не вполне регулярно, такие словесные формы: *нь, бьль (было, были), вѣдѣ (ведь), дѣи (де), мол, реку, рече* и др. В современном литературном языке в этой функции сохраняются *было* и *ведь*, а в сниженном стиле и просторечии – *де* и *мол*. Из сравнительно поздних фразовых энклитик полнее других слов эти свойства сохраняют *было* и *де*. Так, *было* никогда и *де* почти никогда не встречаются в начале фразы, а характерным местом их расположения до сих пор является конец первой тактовой группы фразы. Что касается других современных энклитик (например, современных ДС-парентез), то любая из них может оказаться и в начале фразы. Расположение в вакернагелевской позиции является для них не более чем тенденцией [4:267].

В языках со свободным силовым ударением, в частности в русском, имеется равная возможность ударять одну и ту же словоформу как сильно, так и слабо, тогда как в языках с несвободным ударением или с тональной системой такое варьирование затруднено или даже невозможно. Это значит, что в языке со свободным силовым ударением в качестве энклитик (безударных) могут использоваться те же самые словоформы, что в позициях полноударности, но только с ослабленным ударением¹.

В поведении энклитик различают два аспекта – фонетический и синтаксический. Само понятие энклитики основано на фонетических свойствах. Наряду с этим специфическим свойством энклитик оказывается их место во фразе, что позволяет опознать эти элементы и в письменной речи. При изучении древнерусского языка однозначные сведения о фонетическом поведении энклитик может дать только Чудовский Новый Завет XIV века, текст которого снабжен знаками ударения. Прочие памятники содержат сведения только о «синтаксических энклитиках» [4:9].

А. А. Зализняк отмечает, что древнерусские энклитики (как, заметим, и современные ДС-парентезы) обладают способностью вклиниваться в словосочетание. В таких случаях нарушается принцип проективности порядка слов, состоящий в требовании, чтобы никакая непосредственная составляющая предложения не была разорвана словом или словами, ей не принадлежащими. Ср.: показательный пример из Аввакума: *А сам говорю: «Челом реку бью на ево жалованье; какая онъ надежда мнѣ! Надежда моя Х(ристо)с !»*, в котором словоформа *реку* расчленяет словосочетание *челом бью* [4:45].

К фразовым энклитикам в древнерусском языке исследователь относит также безударную частицу *дѣи (дѣ, деи, де)*, восходящую к полноударной глагольной словоформе *дѣи* «говорит». И. И. Срезневский в «Материалах для словаря древнерусского языка» дает следующее толкование

¹ А. А. Зализняк пишет: «В ходе истории языка в состав энклитик постепенно переходят некоторые слова, которые первоначально были акцентно самостоятельными» [4:267].

безударной частице **ѡѣи (ѡѣ)** - «неизменяющаяся глагольная форма, вставляемая в приводимую чью-нибудь речь» [в Срезн., 1: 802-803]¹. Сравните примеры из словаря: (1) *Аще кто ѡѣи в нашу вѣру ступитъ* (Пов. вр. л. (по Радз.сп.). (2) *Молвилъ: коли деи пошлете посла, и господарь мой царь подтвердитъ правды* (Посольств. Каз. к. Польск.).

Значительное число примеров фиксируется в памятниках письменности с начала XVI века. В XVII–XVIII вв. в документах деловой и официальной письменности, особенно в протоколах допросов и т.п., употребление частицы **ѡѣи (ѡѣ)** становится достаточно частым; фактически приближая ее к статусу грамматического показателя (а именно, показателя чужой речи) [4:43].

Подобно **ѡѣи (ѡѣ)**, возникшему из **ѡѣи** «говорит», в энклитики могли превращаться и другие словоформы со значением «сказал», «говорит», «говорю». Таковы словоформы **реку, рече, рьци, молвить, молвилъ, молви**. Как у Василия Грязного, так и у Аввакума представлено безупречное функциональное распределение: **ѡѣи** есть показатель чужой речи, **реку** – показатель своей собственной речи в уже имевшем место разговоре, причем эти показатели появляются достаточно регулярно в пересказе, во вторичном упоминании чужой или своей собственной речи. Пример ранних энклитик А. А. Зализняк находит в Житии Феодосия: *блажени бо рече есте, егда оукоряють вы*. Примеры энклитического **реку** встречаются в письмах Грязного: *слыхал реку есми от людей: государь хачивал на поминках помиритца; а то реку есми слышел же, что государь царь православный меня холопа своего велел окупати денгами* [4:45]².

В энклитическую частицу (**ведь**) превратилась словоформа **вѣдѣ** «знаю». В этой трансформации А. А. Зализняк различает два аспекта: 1) превращение глагольной словоформы со значением «знаю» в частицу со значением «ведь»; 2) превращение полноударной словоформы в энклитику. Переход слов, которые были первоначально акцентно самостоятельными, в позицию энклитик, связан, по мнению исследователя, с довольно длительным периодом. В это время соответствующее слово во все более высоком количестве фраз подчиняется правилам энклитик, хотя может выступать и в своем акцентно самостоятельном качестве [4:46–47].

Для нашего исследования предвдляет интерес такое наблюдение цитируемого автора: функциональный план энклитик обнаруживает различие между народной и книжной речью. Так, в живой народной речи единицы всех этих категорий функционируют именно как энклитики, в книжной же – молодые энклитики еще могут частично сохранять свои прежние просодические свойства³.

А. А. Зализняк указывает на важный исторический источник древнерусского языка, которым является Киевская летопись за XII в. по Ипат. (иначе Киевский свод). Памятник отчетливо делится на два компонента, вклиненные друг в друга: 1) прямая речь светских лиц, 2) авторская речь летописца и покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светским персонажам [4:23]. Эта текстовая особенность важна для уяснения общих закономерностей оформления синтаксической и коммуникативной позиции ДС-парентез. Первоначально речь лица преимущественно имела форму прямой речи [6:544]. Существенно также то, что в текстах, написанных на древнерусском языке, наряду с прямой речью встречаются показатели чужой речи, своеобразные прапарентезы - (**вѣдѣ (вѣдѣ), ѡѣи (ѡѣ), реку, рече, рьци, молвить, молвилъ, молви**), включенные в авторскую речь рассказчика. Именно так формируются средства косвенной речи. Древнерусские памятники в рассказе передающего лица пестрят чередованиями авторской речи и прямой речи⁴.

В рамках нашего исследования важно определить и показать коммуникативную (иллокутивную) предназначенность прапарентез. Появление подобных средств в древнерусских текстах можно интерпретировать как свидетельство формирования позиции нарратора,

¹ Другие ранние примеры см. в Срезн., 1: 802–803.

² Заметим, что в современных изданиях эти позиции – *слыхал, реку, есми от людей* – отмечаются запятыми. Это позволяет современному читателю понять смысл фразы, но достигается это ценой осовременивания источника.

³ Максимально достоверно живая речь представлена в берестяных грамотах. В ранних грамотах (XI – 1-я треть XIII в.) отражено древнейшее состояние энклитик, а в поздних (2-я треть XIII – XVв.) – уже несколько продвинутое в сторону современного языка [4:23].

⁴ О разных способах передачи речи лица в древнерусском языке см. в [6:540–548].

имплицитной (безударной) коммуникативной и грамматически изолированной в тексте, благодаря которой актуализируется содержание наррации (акта рассказывания). Термин «нарратив» в данном случае понимается широко: это один из способов репрезентации прошлого опыта как последовательности упорядоченных событий. Лингвисты пишут о присущих человеку нарративных способах осмысления мира и о текстуальности мышления как средстве конструирования собственной идентичности [5:60]. Через повествование раскрывается бытие личности, ее отношения с миром выступают как средство организации человеческого опыта. Посредством наррации человек придает социальным практикам форму и смысл, темпорально и логически упорядочивает свой опыт, выделяя в нем начало, середину, конец и центральную точку. Как дискурсивная категория нарративность связана с коммуникативно-прагматической стратегией текстообразования: с текстовыми категориями (тема, мотив, повествовательный план, рассказчик-субъект, персонаж-объект, событие, хронотоп и др.) и языковыми средствами, оформляющими эти категории в структуре текста и дискурса. Прапарентезы и современные ДС-парентезы относятся к числу средств выражения коммуникативной стратегии рассказчика.

Коммуникативная предназначенность прапарентез выявляется в сравнении иллокуции прямой речи и речи нарратора. Иллокуция прямой речи отражает интенцию субъекта, связанную с репродукцией чужих слов, их точным воссозданием, точным цитированием. Прямая речь легко проговаривается при чтении, интонация усиливает ее достоверность, т.е. имеет самостоятельный перлокутивный эффект. В письменном диалоге прямая речь устраняет позицию нарратора. Здесь важны голоса персонажей. Субъект предстает не столько как автор, сколько как участник сюжетно-образующих сцен [1:7].

По данным исторических исследований, уже в древнерусском тексте формируется и иной тип речи – это так называемая авторская речь, т.е. не цитатная, а модифицированная, косвенная¹. Иллокуция речи нарратора с помощью прапарентезы, усложненной комментарием, отличается от иллокуции прямой речи: при пересказе чужой речи рассказчик получает возможность отказаться от точного цитирования, прибегнуть к перефразированию, что предполагает мену лексических компонентов, синтаксическую перестройку предложения. Чужая мысль тем самым связывается с новой словесной формой, т.е. осваивается или частично присваивается. Большая иллокутивная свобода рассказчика предопределяет интерпретацию сказанного и его оценку. Это приводит к разнонаправленным эффектам – иллокутивному и модальному усложнению повествования, с одной стороны, а с другой, – линейная речь повествующего приобретает более компактную форму. Ср.: *Брате мои, на то и ты **рци** есмь призвалъ* (Гал.-Волын. [1287], 298 об.). Прапарентезы, как и современные ДС-парентезы, служат средством выражения иллокуции нарратива как объединяющего в одном линейном ряду разных говорящих: самого субъекта-рассказчика и его объектов-персонажей, которым рассказчик дает право голоса. Рассказчик по своему усмотрению и в соответствии со своей нарративной стратегией отбирает события, персонажей, их речь, расставляет свои акценты, вводит свою оценку, интерпретирует сказанное, вводит чужие слова в контекст своего повествования. Авторская передача чужой речи закладывает основы техники повествования, характерного для современных словесных практик. Как прапарентезы, так и их современные аналоги являются показателями нарративных планов речевого сообщения.

Выводы:

1. Возникновение парентезы как особой безударной (вакернагелевской) коммуникативной позиции обусловлено характером русского ударения - свободное силовое, характером русского порядка слов, который в истории языка менялся в направлении к свободному, а также соответствующей им интонацией.

2. Прапарентезы возникают как безударные варианты полноударных слов, помещенных в вакернагелевскую позицию. Безударность прапарентез, их синтаксическая изолированность соотносится с их особой коммуникативной предназначенностью - вводить принципиально новый для словесной культуры план сообщения.

3. Исторически первичная (представленная уже в древнерусских текстах) коммуникативная и текстовая позиция парентезы отражает коммуникативно-прагматическую стратегию нарратора, формируя скрытую позицию автора, задает компактность формы и полимодальную сложность линейной речи рассказчика.

¹ О средствах выражения косвенной речи в древнерусском языке см. в [3:82–84]).

4. В современном русском языке группа ДС-парентез обширна и разнообразна. Многочисленные и разнообразные по внутренним формам ДС-парентезы получают распространение в русском языке с XVIII века, их экспансия связана с усложнением сфер общения и ростом личного начала в разных формах речи.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Слово о диалоге / Н. Д. Арутюнова // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. — М. : Издательство «Индрик», 2010. — 472 с.
2. Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложносочиненными / В. И. Борковский. — М. : Наука, 1972. — 157 с.
3. Булахов М. Сборник задач и упражнений по синтаксису древнерусского языка / М. Булахов. — Минск : Изд-во АН БССР. — 95 с.
4. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики / А. А. Зализняк. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 280 с.
5. Леонтович О. А. Нарративный анализ в контексте коммуникативных исследований / О. А. Леонтович // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / [отв. ред. М. Ю. Олешков]. — Нижний Тагил : НТГСПА, 2010. — С. 60—71.
6. Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т. П. Ломтев. — М. : Издательство МГУ, 1956. — 596 с.
7. Мечковская Н. Б. Речевое общение в жизни, в романе и драме : коммуникативные инварианты и семиотические метаморфозы / Н. Б. Мечковская // Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / [отв. ред. Н. Д. Арутюнова]. — М. : Издательство «Индрик», 2010. — С. 252—278.
8. Потехня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потехня. — Т. I—II. — М. : Гос. уч.-пед. изд. Министерства просвещения РСФСР, 1958. — 536 с.
9. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Е. Янко / Ин-т славяноведения РАН. — М. : Языки славянской культуры, 2001. — 384 с. — (Studia philologica).
- Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте / Т. Е. Янко / Ин-т языкознания РАН. — М. : Языки славянских культур, 2008. — 312 с. — (Studia philologica).